

ВОСПОМИНАНИЯ КАК ПРЕДМЕТ ТВОРЧЕСТВА И РЕФЛЕКСИИ

Э.И. Колчинский
Санкт-Петербургский филиал
Института истории естествознания и техники
имени С.И. Вавилова РАН

Аннотация: В статье обсуждаются некоторые аспекты мемуаристики как источника в истории науки. На примере ряда воспоминаний крупных биологов, а также личного опыта в этом жанре анализируются цели и мотивы авторов мемуаров, их неискоренимая субъективность, избирательность, ангажированность и т. д. Доказывается, что ценность воспоминаний, прежде всего, в том, что они дают возможность проникнуть во внутренний мир повествователя. Воспоминание — не простое обращение к прошлому с целью его осмысления и даже синтеза с настоящим. Скорее, это способ реконструкции жизненного пути для того, чтобы прорваться в будущее и попытаться сохранить в памяти потомков себя и своё время таким, каким оно мемуаристу кажется предпочтительней. Вместе с тем благодаря мемуарам становятся более понятными мотивы процессов научного творчества, организации и институционализации науки, в том числе в области эволюционной теории и её истории.

Ключевые слова: мемуары, мотивы, субъективность, избирательность, проникновение в прошлое, реконструкция, лжесвидетельство.

Когда я был помоложе, я помнил все —
и то, что было, и то, чего не было.
Теперь я старею и скоро стану вспоминать
лишь последнее.
Марк Твен

Существует немало скептических высказываний о воспоминаниях как источнике знаний о прошлом¹. При этом обычно подчёркивается не только их крайняя субъективность, но и стремление автора представить прошедшие события в выгодном для себя свете. В этом отношении показательны воспоминания Ш.М. де Талейрана-Перигора, ставшего синонимом

¹ Существует и обширная литература по теории мемуароведения: Тартаковский 1991; Приймак 1994; Dekker 2002; Полторак 2011. Довольно много по вопросам мемуарной литературы было написано в советской историографии 1960-х гг., но сейчас её чаще всего вместе с дневниками и письмами анализируют в контексте устной истории. В истории науки этому жанру недавно была посвящена диссертация моей аспирантки [Самокиш 2012].

хитрости и беспринципности. Изданный по-русски в сокращённом виде текст знаменитого французского политика и дипломата, служившего многим сменявшимся режимам от Людовика XVI до короля Луи-Филиппа и успевавшего каждый раз не только предвидеть падение очередного правителя, но и предать его в пользу идущих ему на смену, был занудный, лживый и бессодержательный [Талейран 1959]. А ведь автор считался одним из самых утончённых и умных людей своего времени, узнав о смерти которого, современники, воспринимавшие Талейрана как человека, не делавшего ничего просто так, иронизировали: «Талейран умер. Интересно, для чего это ему понадобилось?» Разочарование его мемуарами для меня скрасил блестящий очерк академика Е.В. Тарле о Талейране, из которого следовало, что «отец дипломатии» остался верен самому себе: обманывая всех при жизни, он старался обмануть читателя после смерти. Без тени смущения Талейран оправдывал себя во всем и обвинял власти, преданные им в разные годы, во всех ошибках и смертных грехах, якобы вынудивших его ради спасения Франции поочерёдно предавать роялистов, жирондистов, директорию, Наполеона I, Александра I, Людовика XVIII.

Не меньшее разочарование вызывали воспоминания политиков XX в., например, Д. Ллойд-Джорджа, У. Черчилля, В. Брандта, Н. Хрущева, Б.Н. Ельцина, А.А. Собчака. Правда, они были интересней и содержательней мемуаров Талейрана. В них нет явных передёргиваний, которые легко опровергнуть. Но у них доминирует не столько стремление поведать о пережитом и происшедшем, сколько, как говорится, проявить остроумие на лестнице: свести счёты со своими врагами и обидчиками, воздать славу друзьям, близким родственникам и покровителям, а заодно поведать миру о чистоте своих помыслов, благородстве деяний и достижениях. Встречаются воспоминания, где ярко выражено лишь одно из этих намерений, и тогда они воспринимаются читателями или как злобный пасквиль, или как некая слащавая патока. Неискоренимая субъективность мемуаров позволяет сказать о многих их авторах: «Врут как очевидцы». И поэтому каждое из них было правильнее называть «Ещё одно лжесвидетельство».

В не меньшей мере этим недостатком грешат и воспоминания учёных, профессиональная деятельность которых, казалось, должна приучить к честности и объективности. Переполюх в научном сообществе в годы зрелого брежневизма вызвала книга «Вечное движение» всемирно известного генетика, академика, возглавлявшего в те годы Институт общей генетики АН СССР [Дубинин 1973]. Книга, изданная в «Политиздате», была оценена как политически ангажированный ответ на зарубежные публикации о противостоянии генетиков и т. д. Лысенко [Medvedev 1969; Joravsky 1970]. Н.П. Дубинин не ограничился попыткой деполитизировать и деидеологизировать «лысенкоизм» и сведением борьбы с ним к обычным разногласиям внутри научного сообщества. Значительную часть книги он заполнил самовосхвалениями и критическими выпадами в адрес коллег, в том числе и учителей (что вообще-то считается недопустимым в научном сообществе) — Н.К. Кольцова, А.С. Серебровского и т. д., традиционно недолюбимых властями именно за отказ безоговорочно подчиниться партийному диктату и принять бредни народного академика за научное откровение.

Биологи, увидев в книге стремление оправдать партийную политику в отношении генетики и дарвинизма, прореагировали на неё отрицательно. Её стали именовать «Вечным самовыдвижением», вспоминая комсомольскую активность Дубинина в 1920–1930-х гг. В редакции посыпались разгромные рецензии, которые редколлегии не могли публиковать, так как нельзя было критиковать книги, вышедшие в «Политиздате». К тому времени был накоплен опыт по распространению андеграундной литературы. Многие из этих рецензий перепечатавали и распространяли по неофициальным социальным сетям, а наиболее удачные и остроумные пересказывали. Имя Дубинина стало нарицательным для биологов, Ф.Г. Добржанский заявил даже, что не подаст ему руки при встрече. В конечном счёте, генетики добились освобождения Дубинина с поста директора института, а его воспоминания вошли в историю биологии как неудачный пример контрпропаганды, стимулированной властями.

По сути дела, это был рецидив сталинской практики, когда мемуары были превращены в сугубо пропагандистский жанр, призванный подкрепить официальные мифы о героическом прошлом вождей и неизменной правильности линии партии. С середины 1950-х гг. мемуары в СССР стали использовать для вброса подцензурной информации с целью проверки общественной реакции. Стали появляться воспоминания, в которых можно было найти сведения, отличающиеся от привычных версий событий. Так, в начале 1956 г. вышел первый том «Воспоминаний о В.И. Ленине». Ещё не было известно, что взят курс на разоблачение культа личности И.В. Сталина и реабилитацию его жертв. К удивлению читателей, среди авторов и упоминаемых ими друзей Ленина встречались фамилии тех, кого ещё клеймили как непримиримых врагов, предателей советской власти и партии большевиков. Книга коменданта Кремля в годы Красного террора [Мальков 1959], написанная в соавторстве с полковником Главного управления МГБ СССР А.Я. Свердловым, претендовала даже на достоверность. Личные воспоминания подкреплялись документами прошлого, архивными материалами и газетными публикациями. Это, конечно, не могло скрыть её заказной характер со стороны спецслужб. Но при этом в мемуарах имелись сведения о внесудебной расправе над Ф. Каплан и уничтожении её трупа.

В 1960 г. началась публикация многотомных мемуаров И.Г. Эренбурга «Люди, годы, жизнь», которыми зачитывалась интеллигенция, видя в них символ грядущих реформ. Позднее в моду вошли похожие друг на друга сочинения полководцев Великой Отечественной войны Г.К. Жукова, И.С. Конева, К.К. Рокоссовского, С.М. Штеменко и т. п., тщательно контролируемые и редактируемые. Но масштабные авторы не всегда укладывались в каноны. Из их книг можно было узнать малоизвестные сведения и детали о начале, ходе и жертвах войны и не всегда лицеприятные оценки происшедшего. В них также сквозило желание поквитаться с обидчиками под видом изложения официальной версии. Популярностью пользовались мемуары генерала армии А.В. Горбатова [1965], о котором сам И.В. Сталин якобы сказал: «Да, таков Горбатов. Горбатова только могила исправит». Его откровенные рассказы о методах НКВД в 1937–1941 гг. в выбивании необходимых признаний производили шокирующее впечатление. В том же духе были написаны и воспоминания бывшего председателя Совета министров ЭССР [Веймар 1974]. Но такие «сбои» были редки, и скорее всего они тоже планировались. Ведь право на мемуары надо было заслужить. Его давали самым проверенным и надёжным «солдатам» партии.

Перестройка демократизировала этот жанр, цензуру отменили и к читателю наряду с прочими хлынул поток воспоминаний учёных, которые заговорили не менее субъективно, чем политики. Вскоре выяснилось, что, хотя они далеки от объективности при рассказах об истории генетики в СССР, их субъективность — скорее достоинство, чем недостаток. Для меня это стало ясно в конце 1980-х гг., когда пришлось брать интервью у ключевых участников борьбы с лысенкоистами в 1930–1960-е гг. (В.Я. Александрова, В.С. Кирпичникова, Д.В. Лебедева, Ю.И. Полянского) и у других учёных, деятельность которых разворачивалась в этот период (А.Д. Александрова, М.М. Голлербаха, Е.И. Лукина, А.М. Уголева и др.). Ошибки в датах, в описании трагических событий, в оценках поступков участников, в том числе и собственных, были результатами не обдуманного намерения ввести в заблуждение, а присущего человечеству свойства подправлять реальность. Чем более двусмысленным было поведение того или иного повествователя, тем больше был угол искажения. В конечном счёте, каждый рассказывает о себе, а не о времени. Это особенно заметно в мемуарах, опубликованных при жизни. Апофеозом субъективизма для меня служат воспоминания Р.Л. Берг, эмигрировавшей от якобы чинимых ей везде и всеми препон. Но оказавшись в США, она и там поссорилась с теми, кто помогал ей, и, в конечном счёте, уехала во Францию [Берг 1983]. Воспоминания, обращённые к последующим поколениям, порой грешат субъективизмом в не меньшей степени, казалось бы, при максимальном документальном сопровождении [Райков 2011]. Документы также подбираются субъективно. Учитывая тотальную фальсификацию до-

кументов того времени, ссылки и цитаты не столько подкрепляют рассказ, сколько свидетельствуют о внутренней неуверенности автора в правильности своих реминисценций. Ведь несколько десятилетий думали одно, говорили другое, писали третье.

В связи с этим важны труды, где автор, рассказывая о пережитых событиях, не изображает себя носителем некой истины. Чем больше субъективность мемуаров, тем больше их ценность, так как мемуары не столько воскрешают забытые имена и факты, сколько раскрывают духовно-нравственный мир повествователя через восприятие пережитых им событий [Полянский 1997]. Зачастую рассказчик творит прошлое с громадной убедительностью, как это произошло в рассказе В.С. Якушевского о последней встрече Н.И. Вавилова с И.В. Сталиным, которой, скорее всего, не было [Лебедев, Колчинский 1994].

Сам критерий объективности неуместен при оценке этого жанра, так как сейчас трудно воспроизвести, что же было на самом деле и что искренне считал и говорил тогда рассказчик². В годы тоталитарного террора только с самыми близкими людьми решались на открытость, только дома, на диване и шёпотом, как сказала мне в интервью бывший директор и главный редактор Лениздата в годы войны Ф.И. Кричевская, получившая в начале 1950-х 25 лет лагерей. Даже подобная осторожность не гарантировала от репрессии, так как предавали не только друзья, но и ближайшие родственники: мужа, жены, родители, дети. Не зря в те годы родилась фраза: «Порядочный человек — это тот, кто делает подлости без удовольствия». Нельзя забывать и громадную субъективность в выборе документов, которые сами по себе являются лишь текстами эпохи, требующими прочтения и интерпретации в её социально-культурном и языковом контексте.

Сравнивая многочисленные мемуары по истории отечественной биологии, например, изданные в постперестроечное время, становится ясно, насколько полезны труды, где автор рассказывает о пережитых событиях с позиций сегодняшнего дня, не пытаясь представить себя в роли носителя конечной исторической истины [Абелев 2006]. Лично для меня решающим в осознании этого требования к мемуарной литературе стал разговор с Ю.И. Полянским весной 1989 г., незадолго до этого закончившим рукопись воспоминаний и попросившим меня дать рецензию. Воспоминания и по стилю, и по содержанию были блестящими, я их «проглотил» быстро. Помимо официального отзыва, я указал автору на ряд ошибок в датах, последовательности событий, должностях упоминаемых лиц, названиях учреждений и т. д. Он согласился с замечаниями и предложил из рецензента превратиться в редактора. Мне трудно было отказать человеку, которого я считал одним из своих учителей и который на протяжении более двадцати лет помогал мне. К счастью, Ю.И. Полянский понял доводы, согласно которым я как редактор-историк только испорчу книгу, превратив её из свидетельства участника прошлых событий в выхолощенный текст с выверенными датами и оценками событий, базирующимися не на личных воспоминаниях, а на литературных и архивных источниках. Юрий Иванович не дожил до выхода в свет своих мемуаров. Но на сегодняшний день это один из лучших образцов мемуарной литературы по истории отечественной биологии [Полянский 1997]. В каждом её предложении чувствуется уникальность пережитого рассказчиком. Восприятия прошлых событий преломлены через богатый жизненный опыт мемуариста от Первой мировой войны до распада государства.

Естественно, возникают вопросы: «Зачем браться за написание мемуаров, если заведомо известна их неискоренимая субъективность? Почему автор полагает, что его жизненный опыт и оценки прошлых событий представляют какую-либо ценность? Существуют ли критерии, позволяющие претендовать на уникальность опыта, отличного от переживаний ровесников, которые, возможно, не нуждаются в прочтениях рассказов других о пережитых ими событиях? Требуется ли набор каких-то титулов, наград и премий или других каких-то показателей жизненного успеха, чтобы было оправданно желание рассказать современникам и по-

² По большому счёту, мы вряд ли сможем когда-нибудь точно узнать насчёт немецких эмигрантов, кто был репрессирован напрасно, а кто действительно был заслан в СССР по заданиям абвера, гестапо и т. д.

томкам о пережитом. Такие вопросы задают себе многие, любящие рассказывать об увиденном, пережитом и услышанном,

Столкнулся с ними и я, так как в силу необратимого течения времени всё чаще приходится больше говорить, чем слушать, на юбилейных вечерах и конференциях о встречах, общении, сотрудничестве, а иногда и дружбе с людьми, известными в научных кругах. И часто приходилось слушать, что рассказанное проливает некий свет на закулисную жизнь науки, раскрывает историческую антропологию научного сообщества, обобщает уникальный жизненный опыт и т. п. Конечно, в этом деликатном деле мало тех, кто скажет правду. Тем не менее, по собственному опыту знанию, сколь полезны для понимания перипетий отечественной биологии были беседы и интервью с непосредственными участниками борьбы с лысенкоистами, позволив лучше представить её противоречивость и неоднозначность. Становятся очевидными многие мифы, сложившиеся в истории советской науки, о её «героях и злодеях», о «людях в белых одеждах» и т. д. Особенно важны для меня были беседы разных лет с А.Д. Александровым, В.Я. Александровым, Н.Н. Воронцовым, М.М. Голлербахом, И.С. Даревским, А.В. Ивановым, Л.З. Кайдановым, М.М. Камшиловым, И.И. Канаевым, В.С. Кирпичниковым, Ф.И. Кричевской, Е.И. Лукиным, Ю.В. Наточиным, К.Л. Паавером, В.О. Самойловым, Л.Н. Серавиным, Я.И. Старобогатовым, Т.Я. Суттом, Л.П. Татариновым, Л.А. Фирсовым, А.Г. Юсуфовым, Е.С. Якушевским, М.Г. Ярошевским и др. Судьба дала мне уникальную возможность в течение многих лет сотрудничать с К.М. Завадским, Д.В. Лебедевым и Ю.И. Полянским, что сказалось на многих моих научных взглядах, в том числе и в области истории науки. В 1984–1991 гг. мне довелось еженедельно вести долгие беседы с А.М. Уголевым, благодаря которым я смог выяснить для себя не только важные моменты в истории советской биологии, но и лучше, как мне сейчас кажется, понять её этос и особенности академического сообщества в целом, и биологического в частности. Последняя четверть века была ознаменована публикациями воспоминаний об истории биологии, помимо упомянутых выше. В их числе мемуары крупных биологов Ю.Ф. Богданова, Л.А. Пирузяна, Е.М. Крепса, В.А. Струнникова, Н.В. Тимофеева-Ресовского и др.). Но не менее интересны и заметки рядовых участников тех событий, например, М.Е. Раменской, М.П. Солнцевой и др. Однако ещё далеко до полного понимания событий прошлых эпох и их ключевых механизмов, восприятия их широкими кругами учёных, а также важных аспектов взаимоотношений биологического сообщества, научного общества в целом и власти в разные годы.

Одним из важных побуждений к воспоминаниям является стремление осмыслить настоящее. Недавняя история поставила уникальный эксперимент: огромная армия гуманитариев, особенно представителей идеологизированных дисциплин — философов и научных коммунистов, строивших карьеру на пропаганде официальных ценностей, разом отказались от них, сменив даже фундаментальные мировоззренческие ориентиры. Причины столь массового ренегатства почти не обсуждаются в научной литературе. Не выяснено, с чем связан столь мощный адаптационный синдром гуманитариев к новой социальной среде. На этот вопрос философы разных поколений отвечали сходным образом именно в воспоминаниях, объясняя происшедшее нравственными и интеллектуальными качествами студентов и коллег, рисуя их как ограниченных приверженцев официальной идеологии и конформистов [Каган 2006; Тульчинский 2007; Кон 2008; Казин 2013]. На мой взгляд, всё было не так просто или совсем непросто. Ведь сами авторы также были членами КПСС, неизбежно участвовали в идеологической работе, преподавали марксистскую философию. В то же время уже с середины 1960-х гг. значительная часть студенчества и профессорско-преподавательского состава философского факультета ЛГУ, который я окончил в 1969 г., пытались как-то выйти за пределы марксизма. Помимо известных вольнодумцев М.С. Кагана и И.С. Кона среди них были С.Н. Иконникова, М.А. Кисель, М.С. Козлова, Л.О. Резников, В.А. Ядов и др. Поэтому вряд ли стоит происходящее в наше время рассматривать сквозь призму сугубо социально-психо-

логических характеристик ряда действовавших тогда лиц, названных приверженцами официальной идеологии и конформистами.

По сути дела, идея коммунизма к тому времени умерла и в других слоях общества, в том числе и в партийно-хозяйственных кругах, которые, казалось, по должности должны были воплощать её в жизнь. В этом я убедился ещё в годы юности, проведённые на Урале, когда шла масштабная ломка прежних стереотипов, вызванная десталинизацией и формированием критического отношения к официальным обещаниям и постановлениям. И в школе, и в годы работы в изыскательской партии, в путешествиях по стране приходилось убеждаться в том, что позиции коммунистического режима не столь прочны, как уверяли средства массовой пропаганды. Даже в областных элитах, связанных с решением глобальных экономических, промышленных и сельскохозяйственных задач, зрело недовольство существовавшим положением. В последние несколько лет я не раз встречался со многими бывшими одноклассниками и с удивлением увидел, что подавляющее большинство, в том числе те, жизнь которых не улучшилась в постсоветский период, восприняли происходящее как неизбежный ход событий. В годы же детства и юности я удивлялся, почему они пассивно реагируют на некоторые мои филиппики; теперь же понимаю, что многие из них были детьми тех, кто не по собственной воле оказался на Урале, и это приучило к молчанию.

Не менее поучительным оказалось осознание того, как мало мы знали друг о друге и насколько по-разному воспринимали происходящее вокруг. Так, меня удивила реакция одной из самых ярких девушек, отличниц и умниц нашего класса Тамары Меламед на моё интервью, в котором говорилось, что в 1950-е около 95% домов в Челябинске были деревянные. Она с удивлением спросила, где мне удалось увидеть такие дома. Оказалась, что из детства, отрочества и юности она запомнила только несколько кварталов, в которых жила она и её ближайшие друзья, а также улицы, вдоль которых она ходила в школу, на занятия английским языком и музыкой. В памяти не осталось даже то, что противоположная сторона улицы, на которой стояла школа, полностью была застроена деревянными домами, часть которых была как раз через дорогу, и она их видела каждый день из окон школы.

Но и моя память оказалась столь же избирательной. Я начисто забыл о том, что в 10 классе, когда я оставался, пожалуй, единственным не комсомольцем, чем портил школьные показатели, мои одноклассники, отнюдь не карьеристы и не зубрилы, не хотели принять меня в комсомол, хотя им рекомендовали так сделать учителя, чтобы не портить и показатели, и мою анкету. Спустя 45 лет один из них сказал, что они были шокированы моими вольными политическими высказываниями на комсомольском бюро. Здесь особенно важно, что не их содержанием, а тем, что они были произнесены там, где всё должно было выглядеть безукоризненно с формальной точки зрения. Естественно, тем самым я мог подвести людей, принимавших решение. Странно, что я об этом забыл, а одноклассник помнил и рассказал, как бы несколько извиняясь за свои тогдашние колебания.

Иногда считается, что к воспоминаниям обращаются с целью самовыражения и увековечивания. Думаю, что для большинства это слабая мотивация. Известно, как ненадёжен этот путь, вызывающий массу толков, пересудов и обид. Мне не известны случаи, чтобы мемуары увеличивали число друзей, а вот количество врагов порою возрастает многократно³. При написании мемуаров похвально было бы обойтись «без похвальбы и без поношений». Но, когда пишешь о себе и об окружающих, трудно сохранить объективность; вопреки первоначальным намерениям оценочные суждения прорываются в текст. К тому же в любом случае найдутся те, кто обидится на то, что о них сказано мало или не так, как они считали бы нужным

Недавно пришлось встретить постмодернистское определение человека популярным английским писателем Грэмом Свифтом: «Человек есть животное, рассказывающее исто-

³ На моих глазах один из мемуаристов-выпускников нашего факультета фактически стал нерукопожатым.

рии». По его мнению, куда бы человек ни отправлялся, что бы он ни делал, ему хочется оставить не хаотические следы своей деятельности и тем более не пустое пространство, не позволяющее понять, а для чего же всё это было. Поэтому все мы стремимся застолбить прошлое утешительными вешками и флажками рассказов и непрерывно рассказываем истории, точнее, непрерывно их сочиняем. Ведь воспоминание — это не возвращение в прошлое и даже не попытка воспроизвести его в настоящем, вернув образы ушедших людей. Воспоминание — это не только наше настоящее, воспоминание — это скорее попытка прорыва в будущее, последняя надежда сохранить себя в памяти потомков таким, каким тебе хотелось бы выглядеть. У человека, как и у страны, не всё потеряно, пока есть история, которую хотелось бы иметь и за которую не стыдно. Ведь в этом мире все борются за правду. Но, увы, правда у каждого своя.

При сочинении мемуаров для меня было главным рассказать о людях, которые, несмотря на неблагоприятный социальный контекст, растили детей, дружили, помогали друг другу, учили подрастающее поколение, занимались наукой, возделывали поля, плавил металл, добывали уголь, открывали новые месторождения, строили дома. Иначе говоря, они честно исполняли свой долг на земле, завещанной если не от бога, то от появления первого человека. Таких людей, вопреки культивируемому мнению об исчезнувшем СССР, было большинство. Конечно, как говорил М. Булгаков, квартирный вопрос или ненормальные условия жизни многих испортили. Но опыт многократного пребывания в разных странах благополучного Запада, а также Японии, Индии и Китая, убедил, что нет существенных отличий в общечеловеческих качествах и поступках. И это естественно. Ведь никогда и нигде для большинства людей не существовало идеальных условий жизни. Почти все и всегда они должны были вести тяжёлую борьбу за выживание себя и своих детей. Тем не менее, на протяжении сотен тысяч лет человечеству удаётся сохранить такие качества, как верность, честность, альтруизм, взаимопомощь, доброта, трудолюбие и т. п. Мне не понятны мотивы авторов, стремящихся в прошлом найти только тёмные страницы. Это противоречит всем правилам мироощущения. Более нормально о прошлом отзываться словами Бориса Рыжего: «Как хорошо мы плохо жили». Ведь нам было меньше лет, а в молодости и солнце теплее, да и грязь чище.

Не желая идеализировать ни прошлое, ни настоящее, я полагаю правильным избежать распространённой моды тотального очернительства «совков». Создаётся впечатление, что авторы некоторых мемуаров одержимы стремлением доказать: «Мы не совки, совки не мы».⁴ Претендуя на историческую достоверность, они как бы следуют суждениям гоголевского героя, мол, нет в городе порядочных людей, кроме прокурора, да и тот свинья. Непродуктивно изображать прошлое, впрочем, как и настоящее, в черно-белых красках. Ввиду многомерности реальности должны существовать разнообразные направления в воспроизведении её когнитивных, социально-психологических, социально-антропологических, идеолого-политических, экономических, институциональных, семантических, семиотических и символических аспектов. Открывшиеся два десятилетия тому назад архивы способствовали разрушению многих мифов о социалистической эпохе. Это породило у многих авторов стремление изображать весь советский период лишь в чёрных или серых тонах, забывая о том, что обеспечило СССР прочное второе место в мире в области точных наук.

Чёрные очки или дальтонизм при описании процессов недавнего прошлого науки столь же мифологичны, как и недавно господствовавшая легенда о новой исторической общности людей, днём и ночью думавших о том, как бы поскорее выполнить исторические решения очередного съезда КПСС и что-то там соорудить, построить, завершить, водрузить, задуть, собрать, преодолеть и т. п. Мне представляется бессмысленным вопрос, кто больше и кто меньше политически и идеологически ангажирован был в недавнем прошлом, кто и чем за-

⁴ Это перефразировка известного выражения из первого пролетарского букваря: «Рабы не мы. Мы не рабы», которое, как по Фрейду, отражало признание автором рабского положения. Страстные обличители совков, видимо, озабочены стремлением скрыть свою «совковость».

нимался до перестройки, кто и от кого получал деньги, кто, когда и за сколько менял свои убеждения. Архивный материал не может дать всей полноты картины ввиду исходной фальсифицируемости его в момент создания.

Опыт общения с биологами, сыгравшими огромную роль в борьбе с лысенковщиной и в преодолении её последствий, убедил меня в том, что среди них было немало бескорыстных искателей истины. Все они были яркими личностями, не похожими друг на друга. Каждый имел собственную мотивацию и стратегию поведения, которые нередко менялись не столько от социально культурного контекста, сколько от эволюции самих научных взглядов.

Историческое исследование предполагает изучение огромного комплекса источников: архивных, литературных, устных и т. д., на базе которых строятся более или менее обоснованные реконструкции и делаются выводы. В последние годы стали доступны многие партийные и государственные архивы, в том числе ЦК ВКП(б) и НКВД и т. д., которые позволяют лучше понять многие пусковые механизмы в трагической истории советской науки. Но смотреть на прошлое только через воспоминания, стенограммы партийных собраний, служебных записок или протоколов допросов арестованных, на мой взгляд, дело бесперспективное⁵, так как всякий раз необходима тщательная проверка на истинность этих свидетельств в силу изначальной фальсифицированности архивного материала, авторами которого, увы, тоже были люди. При всей противоречивости и многогранности истории советской науки в ней сохранялась нацеленность на приобретение нового знания. Подлинный, порой неофициальный успех здесь приходил только к талантливому, целеустремленному и удачливому человеку, преданному своему делу. В противном случае, СССР не смог бы конкурировать с США в области военной технологии и в освоении космоса.

Изображение всех советских учёных как занимавшихся научной практикой только ради финансирования, поиска патронажа среди властей предержавших, выстраивания социальных сетей, создания собственных школ как мафиозных группировок, построения «научных империй» и т. д. [Kremetsov 1997] оставляет без ответа главные вопросы: «Для чего они это делали?», «Что они сделали?», «Как они это сделали?», «Почему у них были столь различные результаты?» и «Насколько их результаты соответствовали уровню мировой науки?» Без ответа на эти вопросы любые воспоминания о научной деятельности теряют смысл — подобно тому, как бессмысленна военная история без сражений, история литературы без художественных сочинений и т. д. В итоге мы имеем не столько нейтралистский анализ или объективистскую картину прошлого, сколько сверхсубъективный мир автора, конструирующего всех своих героев по своему образу и подобию.

Воспоминания, снабжённые массой подробностей из сугубо личной жизни своих коллег и родственников, трудно назвать проникновением в прошлое, как и исторические романы В. Пикуля «Пером и шпагой», «Битва железных канцлеров» и др., столь популярные в 1970–1980-е гг. В них государственные деятели Российской империи XVIII–XIX вв., включая императоров, цариц, канцлеров, полководцев, выглядели удивительно однообразно: пьяницы, воры, скандалисты, развратники, хамы, дураки и т. д. На мой взгляд, следует в воспоминаниях соблюдать принцип нейтральности, избегая, по возможности, морализирования и пафоса, используя все цвета радуги и даже их оттенки при реконструкции нашего прошлого, впрочем, как и настоящего, рассматривая его в целом как один из способов общественного устройства. Его специфика выражалась в стремлении государства контролировать все сферы жизнедеятельности человека, чтобы с максимальной эффективностью для себя использовать имеющиеся ресурсы для развития экономической и военной мощи, для идеологического оправдания политики господства в обществе, для повышения международного престижа.

Конечно, правящая элита в СССР старалась не только поставить все сферы духовного производства под свой контроль, но воспитать особую разновидность интеллигенции, разде-

⁵ Порой это всё равно, что судить о сути человека по результатам его пищеварения.

лявшую её мораль, планы и мировоззрение. Со своей стороны народ, оказавшийся в условиях, когда только государство предоставляло средства к существованию, вынужден был искать особые формы взаимоотношений с властями и обществом. Достигнуть взаимопонимания оказалось не столь трудно, так как «советизация» протекала в стране, где сильно были развиты мечты о царстве всеобщей социальной справедливости и равенстве, а также о мессианской роли России в мировой истории. Это и стало основой, предопределившей трагический путь страны на протяжении нескольких столетий, наиболее суровые события которых выпали на плечи наших дедов и родителей. Хотя что мы знаем о лишениях наших более дальних предков? Ведь евроазиатское пространство никогда не было зоной комфортного проживания, ни во времена Монгольской империи, ни значительно позже. Не только народ на народ, но и брат на брата шли не единожды. И всегда было немало тех, кто по приказу свыше готов был хватать, тащить, пытаться и убивать ближнего. Правда, так же было во всех странах.

В последние годы стало модно знать свои корни. По истечении 70 лет советской власти вдруг оказалось, что почти у всех предки князя, графы, дворяне, на худой случай купцы или промышленники. Непонятно, куда смотрели «органы» в борьбе с классовыми врагами. Несколько лет тому назад я встретил одну из подруг своей молодости — однофамилицу одного из фаворитов Екатерины II, и неожиданно узнал от нее, что он как-то вписывается в её родословную. В принципе, возможно, это и так, хотя, скорее всего, это какой-либо семейный миф, о котором она тридцатью годами ранее молчала. Для меня самым удивительным оказалось то, что именно эта дама пыталась таким образом найти в прошлом некие мифические основания для повышения своей самоидентификации. От природы она обладала острым, критичным умом и сильным характером, и, несмотря на все жизненные трагедии, не сломалась и выжила и здесь, и в США.

Недавно я прочитал, что в 1990-е гг. за \$1000–1500 можно было выправить любой документ о высоком происхождении, будь то от Рюрика или от Чингисхана. Изготавливаемые родословные снабжались ссылками на записи в церковно-приходских книгах и выписками из архивных документов, якобы сохранившихся с тех времён. Мне кажется бессмысленным искать корни в столь давних поколениях. Ведь у каждого из нас было две бабушки и два дедушки, четыре прабабушки и четыре прадедушки, восемь прапрабабушек и восемь прапрадедушек и т. д. В соответствии с геометрической прогрессией уже в 30-м поколении число предков насчитывает миллиарды. Если по расчётам экологических историков, археологов и этнографов в то время, т. е. где-то в XIII веке, всё население Земли насчитывало 200 миллионов человек, то каждый живший в не столь уж отдалённые от нас времена мог бы быть, по крайней мере, 5–10 раз моим предком. Если кого-то подобная аргументация не убеждает, то я прошу верующих вспомнить о том, что они все потомки библейских Адама и Евы, живших около 7 000 лет тому назад, а неверующих — что они потомки опять же генетической Евы, но жившей в Восточной Африке примерно 150 000–180 000 лет назад. Существование единой африканской праматери однозначно подтверждается сравнительным анализом цитоплазматических наследственных элементов человека и Y-хромосомы.

Я не случайно остановился ретроспективно на 30-м поколении, время которого совпало с созданием Чингисханом и его потомками могучей империи от Тихого океана до Карпатских гор. Именно тогда уроженец бассейна р. Онона, обеспокоенный ростом сепаратистских движений на огромной евроазиатской территории, укрепляя вертикаль власти, провёл антитеррористические операции в ряде областей Центральной Азии и восстановил величие гуннской империи. 15 лет спустя его внук, оказывая братскую помощь дружеским славянским государствам, страдавшим от коррупции и клановых разборок местных олигархов, ввёл ограниченный контингент войск на территорию ряда восточноевропейских княжеств и установил мир, покой и единую налоговую систему этой империи⁶. Её наследником спустя

⁶ Не случайно в новой хронологии Батыя и Ивана Калиту считают одним и тем же лицом.

четыре века стало Московское царство Алексея Михайловича, провозглашённое в начале XVIII века Российской империей. И каждый, живший на этом огромном евроазиатском пространстве на протяжении последних восьми веков, потенциально мог быть предком любого из нас. И примерно в одних и тех же словах правители этой территории оправдывали свои преступления против народов.

Лично мне удалось отыскать реальные корни моих предков с середины XIX века. Я оставил в стороне интернетовские упоминания о Колчинских, включая полковника Генерального штаба А.А. Колчинского — родственника генерала Л.Г. Корнилова, ставшего впоследствии душеприказчиком генерала А.И. Деникина, равно как и генерал-майора И.С. Колчинского, в усадьбе которого сейчас расположен краеведческий музей в Коломне. Не удалось мне проследить связи с уральскими казаками, хотя на Южном Урале была станица Колчинская, или с польскими шляхтичами Колчинскими из герба Рогалей.

Моя родословная проста. По советским меркам, у родителей были «идеальные анкетные данные» по социальному происхождению: воплощение «союза» рабочего класса, крестьянства и трудового ремесленничества. Но «красное колесо» проехало и по ним. Более 30 из них были репрессированы во время коллективизации, умерли от Голодомора, который бушевал не только на Украине, расстреляны в годы Большого террора, погибли на фронтах Великой Отечественной войны или на оккупированных территориях. В то же время я не знаю среди них ни одного, осуждённого за уголовные преступления, как и сотрудников карательных органов. По рассказам бабушки и родителей, они, хоть и принадлежали к разным нациям и культурам, были трудолюбивыми, добрыми, справедливыми и честными людьми, по мере сил помогавшими нуждающимся.

В поисках предков мне удалось дойти только до одного из прапрадедов — Антона Ивашинникова, который вместе с другими 13-ю семьями астраханских крестьян в 1866 г. переехал на Дальний Восток, где они основали село Никольское, ставшее позднее городом Николо-Уссурийском, а затем и Уссурийском. Его имя, как и имя его брата Григория Ивашинникова, выбито на памятнике основателям этого города. Ни прибывшего с ним 6-летнего сына Андрея — моего прадедушки, умершего от голода во время коллективизации, ни мужа его дочери Анастасии, т. е. моего деда Павла Федоровича Бойко, расстрелянного в 1938 г., я не видел. Не застал я и родителей своего отца. Бабушка, имени которой я в свое время не удостоился узнать, умерла от тифа в 1920 г., а её муж Яков Абрамович Колчинский — от туберкулёза в 1940 г. Судьба его детей была обычной: кто-то погиб на фронте, кого-то расстреляли, кто-то активно участвовал в построении социализма. Были и те, кто дожил до краха и этого проекта и агонии перестройки, т. е. до бандитского капитализма, названного кремлинитет.

Мы все заучивали положение о том, сущность человека есть совокупность общественных отношений. И это вряд ли стоит подвергать сомнению. Важнее, какие из них являются определяющими. Мне представляется, что, прежде всего, это нормы и ценности, культивируемые в поколениях той или иной семьи. Я не видел трех из четырёх моих бабушек и дедушек, а тем более их родителей. Но я прекрасно понимаю, что многое из того, что мои родители положили во мне, они в свою очередь получили от них. Довольно часто для характеристики близости поколений используется понятие «через одно пожатие руки». Через «пожатие рук» своих родителей я прикасался к своим предкам, и так шло на протяжении многих поколений. И я рад, что оказался именно в этой цепи.

В то же время нельзя забывать и об эффекте собственного поколения, благодаря которому нам всегда проще найти общий язык со сверстником из другой страны и даже иной специальности, чем с земляком из другого поколения. Я не раз убеждался, что меня лучше понимают немцы, японцы, китайцы, американцы моего возраста, чем мои аспиранты. Живя в разных странах, мы с зарубежными сверстниками переживали одни и те же события, у нас на слуху были одни и те же фамилии политиков, писателей, артистов, мы смотрели одни и те же филь-

мы и наши песни часто были едины. И эта общность судьбы и сопереживания стала важным гарантом того, что на личностном уровне поддерживаются отношения с учёными разных стран несмотря на то, что отношения между самими странами не всегда благоприятствуют этому. Таким образом, воспоминания становятся важным способом межпоколенческих и внутриспоколенческих связей, названных мною «эффектом поколения». Благодаря им исследуется, как ценности и нормы предшествовавших поколений актуализировались в авторе, а также эстафета поколений.

В целом, при всех своих недостатках, воспоминания остаются важным документом, если не об эпохе, то хотя бы об авторе, в котором отразились как время и общество в целом, так и его ближайшее окружение. Ведь, как точно сказал Булат Окуджава:

Каждый пишет, как он слышит,
Каждый слышит, как он дышит,
Как он дышит, так и пишет,
Не стараясь угодить...
Так природа захотела,
Почему — не наше дело,
Для чего — не нам судить.

И поэтому не ругайте мемуариста: он вспоминает, как может.

* * *

Воспоминание — это не простое обращение к прошлому с целью его осмысления и синтеза с настоящим. Скорее, этот способ реконструкции жизненного пути для того, чтобы прорваться в будущее и попытаться сохранить в памяти потомков себя и свое время таким, каким тебе оно кажется предпочтительней. Ведь у человека, как и у страны, не всё потеряно, пока есть история, за которую не было бы стыдно. При этом неудобные куски из прошлого сознательно или бессознательно удаляются, а вместо утерянных фрагментов дописываются новые ради сохранения целостной картины. Вот почему большинство мемуаров историков науки представляют собой единство творчества и рефлексии. И не всегда сам автор может определить, где кончается реальность и начинается вымысел.

-
- Александров В.Я. 1992. *Трудные годы советской биологии*. — СПб.: Наука.
 Абелев Г.И. 2006. *Очерки научной жизни*. — М.: Научный мир.
 Берг Р.Л. 1983. *Суховой: Воспоминания генетика*. — New York: Chalidze.
 Веймар А.Т. 1974. *Мечты и свершения*. — М.: Политиздат.
 Горбатов А.В. 1965. *Годы и войны*. — М.: Воениздат.
 Дубинин Н.П. 1973. *Вечное движение*. — М.: Политиздат.
 Каган М.С. 2006. *О времени, о людях, о себе*. — СПб.: Петрополис.
 Казин А. 2013. *Частицы бытия. Роман с философией*. — СПб.: Алетейя.
 Кон И.С. 2008. *80 лет одиночества*. — М.: Время
 Лебедев Д.В., Колчинский Э.И. 1994. Последняя встреча Н.И. Вавилова с И.В. Сталиным (Интервью с Е.С. Якушевским). — *Репрессированная наука*. — Вып. 2. — СПб.: Наука.
 Мальков Н.П. 1959. *Записки коменданта Кремля*. — М.: Молодая гвардия.
 Полторак С.Н. (ред.). 2011. *Воспоминания и дневники как историко-психологический источник*. — СПб.: Междунар. ассоц. ист. психологии им. В.И. Старцева.
 Полянский Ю.И. 1997. *Годы прожитые. Воспоминания биолога*. — СПб.: Наука.

Приймак Н.И. 1994. Понятие мемуаров как исторического источника в отечественной историографии середины XIX – начале XX вв. — *Вест. СПбГУ.* — Сер. 2 (История, языкознание, литературоведение). — Вып. 2. — № 9.

Райков Б.Е. 2011. *На жизненном пути. Автобиографические очерки.* — Ч. 1–2. — СПб.: Коло.

Талейран. 1959. *Мемуары.* — М.: Изд-во Ин-та межд. отношений.

Тартаковский А.Г. 1991. *Русская мемуаристика XVIII – первой половины XIX в.* — М.: Наука.

Тульчинский Г. 2007. *Истории по жизни. Опыт персонологической систематизации.* — СПб.: Алетейя.

Самокиш А.В. 2012. *Воспоминания Б.Е. Райкова как источник по истории науки и образования в России и СССР в первой половине XX в. Автореф. дис. канд. ист. наук.* — СПб.: ИИЕТ РАН.

Dekker R. (ed.) 2002. *Egodocuments and history. Autobiographical writing in its Social Context since Middle Ages.* — Hilversum: Verloren.

Joravsky D. 1970. *The Affair of T.D. Lysenko.* — Cambridge: Harvard Univ. Press.

Krementsov N.L. 1997. *Stalinist Science.* — Princeton: Princeton Univ. Press.

Medvedev Ž. 1969. *The Rise and Fall of T.D. Lysenko.* — New York: Columbia Univ. Press.